

"Шпион..." — прошептал Дзюсэцу, хмуря брови. — Человек, уронивший это, может быть свидетелем некоего плана, — заметил И Сэй. — Если это так, он нам пригодится. — Тебе не нужно так много говорить, — перебил Кошун, бросая на И Сэй тяжелый взгляд, заставляющий ее замолчать. — А план? Тот, кто уронил серьгу, станет свидетелем. Дзюсэцу нахмурилась. — Значит, ты трудился ради этого? Не ради призрака? "Я полагаю, это можно назвать жалостью", — промелькнула мысль в ее голове. Но были ли эти слова ложью? — Я ответил на все ваши вопросы, — холодно произнес Кошун, не меняя выражения лица, и направился к выходу. Дзюсэцу смотрела ему вслед, не сводя глаз. — Как бы то ни было... Ты не можешь ее спасти? Вспомнив слова Кошуна, Дзюсэцу разгладила складки на лбу. Если все, что ему нужно было сделать, это найти человека, которому принадлежала серьга, то зачем он просил о помощи? Однако, осознав это, она растерялась. В чем же дело? Она была уверена, что Кошун скрывает от нее правду. "... Дзюсэцу, наблюдая за удаляющейся спиной Кошуна, сделала шаг вперед. — Подожди. Она окликнула его, когда тот уже почти достиг аллеи. Он обернулся, и она подошла ближе. — Мне еще нужно поговорить с тобой. — Если это из-за серьги... — начал Кошун. — Дело не в этом, — прервала его Дзюсэцу. Ей нужно было спросить его об одной вещи, она не могла оставить все как есть. Кошун некоторое время изучал ее лицо, затем перевел взгляд на И Сэй. Та нерешительно посмотрела на Дзюсэцу, но, поклонившись, отошла от Кошуна. Тот направился к пруду. Ночь была безветренна, и темная гладь воды отражала лунный свет. — ...Почему ты отпускаешь меня? Я не понимаю твоих намерений, — проговорила Дзюсэцу, глядя на Кошуна. Он притворялся, что не знает ее истинной сущности, и она не могла разгадать его истинных мотивов. Что же думает этот человек? Вот что ее всегда интересовало. Кошун посмотрел на нее и открыл рот. — Мне ничего не стоит раскрыть твою истинную личность. Тихий, отстраненный голос, словно тусклое зимнее солнце. Ни по голосу, ни по лицу нельзя было прочесть никаких эмоций. — На самом деле, выгода больше. Если я казню тебя, мы потеряем Ворона-консорта, и люди обвинят меня в жестокости. Дед зашел слишком далеко, — пробормотал Кошун, глядя на водную гладь. — Как только он занял трон, то стал бояться. С возрастом его параноя усилилась, и он даже убил своих сыновей, считая, что все вокруг хотят украсть его трон. Император до последнего казнил двух своих сыновей, царей, за измену. — Нет необходимости убивать тебя. Другое дело, если ты захочешь убить меня, — Кошун перевел взгляд на Дзюсэцу. — ...Я не желаю этого. Когда она так ответила, Кошун пристально смотрел на нее, словно пытаясь определить, правда это или ложь. — Ты не ненавидишь меня? Или, возможно, моего деда или отца? Дзюсэцу позволила своему взгляду блуждать. Лунный свет падал на воду, и она холодно блестела. — Я не знаю. Я никогда не думала о ненависти к другим. Если я кого-то и ненавижу, то только себя. Кошун нахмурился. — Почему? — Потому что я бросила свою мать. Когда ее арестовали, я трусила и затаивала дыхание. Чтобы меня не нашли. Чтобы спасти только себя. — Я видела, как умирает моя мать, — прошептала Дзюсэцу, уставившись на отражающуюся в воде луну. Именно эти мысли терзали и разрывали ее сердце. Она бросила свою мать и убежала одна. Она слышала ее крики, но все, что она могла сделать, это закрыть уши и дрожать. Она молилась, чтобы это ужасное время прошло. По глупости она думала, что если просто позволит этому случиться, то все вернется на круги своя. Как только она увидела голову матери, сердце Дзюсэцу сжалось от сожаления. Почему она бросила свою мать? Почему она не смогла выпрыгнуть тогда? Глубины сердца Дзюсэцу уходили, и нечем было их заполнить. — ...Если ты не собираешься убивать меня, потому что нет выгоды, может настать время, когда ты убьешь меня, если будет выгода. Я не против этого, — беззаботно сказала Дзюсэцу и повернулась на пятках. — Дзюсэцу. Кошун впервые назвал ее по имени. Оно прозвучало как-то странно мягко и спокойно. Когда она обернулась, Кошун снял украшение, которое носил на поясе, и протянул ей. — ...Что это? Когда она растерянно нахмурилась, он взял ее руку и вложил украшение ей в ладонь. Это было небольшое украшение в форме рыбы, сделанное из янтаря. — Я даю тебе это как доказательство моего обещания. Возьми его. — Обещания? — Я обещаю, что не убью тебя. Дзюсэцу посмотрела между своим лицом и янтарной рыбкой. Глаза Кошуна были глубокого черного цвета и чисты, как родник. По какой-

то причине, чувствуя, что не может смотреть на него слишком пристально, Дзюсэцу отвела взгляд. — ...Я не хочу этого. Люди примут меня за вора. Дзюсэцу протянула руку с янтарной рыбкой, но Кошун не взял ее обратно и отвернулся. — Ва... подожди! Дзюсэцу попыталась побежать за ним, но Кошун коротко оглянулся через плечо. — Дзюсэцу, я такой же, как и ты. — Что? — Я тоже бросил свою мать на произвол судьбы, — просто сказал Кошун. Его черные, пустые глаза, казалось, поглощали даже тьму. — В сердце этого человека тоже чего-то не хватает, и его нечем заполнить, — почувствовала Дзюсэцу. Лунный свет освещал спину Кошуна, когда он уходил все дальше вдаль. Свет сиял и на янтарной рыбке в ее ладони. Кошуну было десять лет, когда умерла его мать. Он часто навещал ее, которая в то время была склонна к депрессии. Его мать была подавлена из-за притеснений со стороны вдовствующей императрицы — императрицы того времени. Кошун был назначен наследным принцем, но его мать была вынуждена остаться в качестве супруги. Это произошло потому, что у нее была слабая поддержка. Собственно, именно из-за слабости ее поддержки Кошун и стал кронпринцем. Сын императрицы умер в юном возрасте, и на его место пришел Кошун, который был идеальным выбором, так как у него не было влиятельных родственников по материнской линии, которые могли бы вмешаться.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/2961943>